

Сакаэ Цубои

壺井 栄

Дорога на склоне холма

坂 道

Перевод с японского: Алла Лазерко

翻訳 アーラ・ラゼルコ

Глава первая

Домото собрался переезжать.

Сегодня воскресенье, и с самого раннего утра Митико помогает ему. Сам Домото повязал себе полотенце на голову, как обычно делают при генеральной уборке. В таком виде он сметал пыль со своих вещей, аккуратно заворачивал их в газеты и складывал в ящик от яблок. Вещей было немного, поэтому спустя час всё было собрано и погружено на телегу. Митико протирала десятую по счёту книгу, как в комнату вошел её младший брат Кадзуо с таким же полотенцем на голове, что и у Домото. Но собирать было уже нечего, и Кадзуо просто бесцельно побродил по комнате. Немного подумав, он нашёлся:

– Домото, я помогу тебе, я буду толкать телегу сзади.

– И я, – сказал ещё меньший брат по имени Цугио.

Чтобы не отставать от других, самый младший брат по имени Такэ, игравший до этого во дворе, тоже крикнул:

– И я!

Малышу Такэ было только три года, и вряд ли он понимал о чём речь, поэтому Митико его спросила:

– Такэ, что «и я»?

Как и ожидалось, малыш Такэ растерялся и стал искать ответа в лицах окружающих его братьев. Наконец, он произнёс:

– Домото обещал покатать меня на телеге!

Все стали громко смеяться, а Такэ разозлился и затопал ногами. Потом поднял одну ногу и пихнул ею Митико.

– Что смешного? – крикнул он.

Домото стал его успокаивать. Угомонившись, Такэ остался смотреть на других с видом победителя, словно говоря: «Так вам и надо». Но Домото и вправду пообещал прокатить Такэ на телеге. Вдруг раздался голос их матери:

– Ну и шум вы подняли! Неудивительно, что Домото убегает от вас, – сказала та, заглянув в комнату и держа в одной руке чайник, а во второй целую гору сладких булочек с начинкой из бобов. – Будем пить чай! А ну-ка все мыть руки!

С криками «Ура!» дети помчались к колодцу.

Глава вторая

Митико хорошо помнила, как в их доме появился Домото. Это было ровно два года назад. В тот день, вернувшись из школы, она увидела, как её родители

и какой-то подросток молча сидели вокруг переносного хибати, огонь в котором уже потух. Этим подростком и был Домото. У всех троих был вид, как будто они только перестали плакать. Он остался жить в их доме. Вскоре Митико узнала о его прошлой жизни. Во время войны его отец пропал где-то под Далянем в Китае, а мальчик с матерью были вынуждены покинуть родные места. Вдвоём они влачили жалкое существование и перебивались как могли, из-за чего мать вскоре умерла. Так и попал бедный Домото в Токио, надеясь на помощь отца Митико.

Домото был сыном близкого друга её отца. Дней за пять до его приезда, после ужина, родители Митико обсуждали только что полученное письмо.

– Знаешь, к нам приедет сын моего друга, – сказал отец.

– Правда? Зачем?

– Здесь написано, что он хочет встретиться и посоветоваться, а подробности расскажет потом.

– Для школы уже слишком поздно. Не на экскурсию же он сюда едет. Да и с работой сейчас сложно... – посоветовала женщина.

– Да, это точно. Не будет он говорить нам о школе. Я думаю, у него нет на неё денег.

– Сложная ситуация.

– Да, правда, – подтвердил отец семейства. – Местным горожанам работу не найти, тем более приедем.

– Но и в стороне мы оставаться не можем...

– Да, в этом и беда. Нам и самим туго.

– Давай, когда Домото приедет, так и ему и скажем. Он увидит наш дом и сам поймет, в каких тяжёлых условиях мы живём. Даже остаться ночевать здесь... – не договорила она и взглядом показала на комнату.

Пустырь, ранее расчищенный под военную дорогу, теперь превратился в район, где жили люди, пострадавшие от войны. На вытянутом пространстве в два длинных ряда были построены небольшие бараки. Казалось, дуновения ветра достаточно, чтобы их снести. В одном из таких и барачков жила семья Митико, потому как их дом сгорел во время войны. И вот – в их барак из двух комнат, по девять и пять квадратных метров, приезжает гость. Митико, конечно, беспокоилась о том, что же будет, если он останется.

Наконец, Домото прибыл. Митико сначала подумала, что они с Домото одногодки, но очень удивилась, когда узнала, что ему уже девятнадцать.

– Ему девятнадцать, но он ниже нашего соседа Сабуро. На вид ему пятнадцать или шестнадцать, – шепнула она матери.

– В войну он недоедал, поэтому почти не вырос. Какой же у него несчастный вид! – ответила ей мать.

За несколько дней до приезда Домото родители Митико обсуждали различные проблемы, которые может доставить их гость. Однако, когда они увидели его худого, почти прозрачного, они ничего не сказали и просто оставили мальчика у себя. Они не стали с ним обращаться как с гостем, а положили его спать на один футон вместе с Кадзуо, потому как футон Домото задержался на почте. Кадзуо и его братья были очень рады новому старшему брату.

– Мама, Домото останется у нас жить? – однажды спросила Митико, когда Домото вышел.

– Да, он поживет у нас некоторое время. Куда деваться? – ответила ей та.

– А куда он ходит каждый день?

– Он ищет работу, не бездельничать же ему.

Семье из шести человек, где отец был старьевщиком, а мать домохозяйкой, было и без того нелегко, а тут ещё нужно думать о Домото. Понимая это, он каждый день упорно ходил на местную биржу труда. Он надеялся получить работу вместе с проживанием или хотя бы записаться в вечернюю школу, но так как был родом из провинции – найти хоть что-то было сложно. А если работа и находилась, то требовалось заплатить гарантию в двадцать тысяч йен.

– Вот так условия! Я мог бы стать поручителем, но таких денег у меня нет, я не могу помочь! – возмущался отец Митико.

– Да уж. Чем за такие деньги его отправлять на работу, пусть уж лучше учится, – соглашалась его жена.

Отец Митико был старьевщиком, и хоть эта работа ему не нравилась, он всё же перестал искать другую, потому что видел много таких же случаев, как у Домото.

– Домото, если всё равно никакой работы ты не нашёл, может проработаешь со мной? Будем собирать старые вещи на продажу. Залоги и поручители не нужны. Но для начала тебе нужно немного денег, совсем небольшая сумма, – в конце концов предложил ему глава семейства. Он был слегка пьян и выглядел совершенно беззаботным.

Юному Домото не очень нравилось это предложение, и он продолжал каждый день ходить на биржу труда. Один раз ему удалось попасть на работу в некую торговую фирму «Мияко», которая предоставляла жильё и находилась в районе Асакуса, но через три дня Домото вернулся домой подавленный. Это было как раз в тот день, когда отец Митико ушёл на работу вечером. Дети, думая, что вернулся их отец, открыли дверь и с шумом выбежали на улицу:

– Папа дома! – кричали они.

Но человек, стоявший на пороге, был вовсе не их отец. Узнав Домото, Кадзуо обрадовался:

– Мама, мама, это Домото вернулся.

– Ах! Что случилось? Домото, у тебя неприятности? – спросила их мать, и с серьёзным выражением лица приказала детям вернуться в дом.

Семья узнала, что нанявшая Домото фирма занималась неизвестно чем, и, когда тот вошёл в кабинет, то увидел, что в нём ничего не было, кроме одного стула. В течение трёх дней туда навевывался сорокалетний «хозяин» фирмы. Каждое утро около десяти часов он приходил из дома, который находился то ли в Тамагаве, то ли ещё где, и давал Домото талон на питание. На вопрос юноши «Что мне делать?» хозяин отвечал: «Просто сиди и жди». А сегодня и вовсе не пришёл и талона не дал.

– Значит, ты сегодня ничего не ел? – изумленно спросила мама.

Домото ничего не ответил. Слезы одна за одной катились из его глаз. Чтобы скрыть их, он опустил голову и затем сказал:

– Токио – ужасное место...

– Домото, не говори так. Не все люди плохие, – попыталась утешить его мать семейства.

Но когда тот рассказал, что хозяин взял у него двести йен из трёхсот имеющихся, то теперь она сама стала негодовать. Потом, немного успокоившись, посмотрела на молчащего Домото.

– Ничего не поделаешь. Отец вернётся домой – посоветуемся. Иди в дом, полежи, отдохни.

Мама вышла из кухни. С улицы стал доноситься её голос, сопровождающийся громким звуком раздувания хибати.

– Митико, сходи помой полкило риса, да поспеши! Кадзуо, а ты сбегай купи два яйца и прихвати с собой Цугио!

В тоне этого голоса хоть и была строгость, но никто из детей не стал возмущаться. Митико взяла кастрюлю и направилась к колодцу, а Кадзуо и Цугио побежали к лавке в районе станции. На дворе была ночь, но никто не посмел возмущаться. Дети, видя слёзы Домото, сохраняли достоинство.

Даже маленький Такэ спокойно стоял у окна и наблюдал за своей мамой. Сам же Домото молча стоял вместе с малышом Такэ. Когда рис был готов, мама Митико положила его в чашку, разбила туда сырое яйцо и добавила цукудани из креветок.

– Домото, у нас нет супа, но тебе лучше поскорее съесть хоть что-нибудь. Есть ещё добавка.

Дети окружили Домото и стали наблюдать за тем, как он ест. Увидев это, мать стала прогонять их:

– А ну-ка все быстро спать!

Кадзуо, похоже, разозлился и, надув губы, воскликнул:

– Так ведь я же сплю вместе с Домото!

– Сегодня ты будешь спать вместе с Цугио. Митико, уложи спать малыша Такэ, – сказала их мать.

– Хорошо, – отозвалась та.

Увидев, что они мешкают, женщина прикрикнула:

– Быстро все спать!

Кадзуо и его братья в этот момент завидовали Домото, который уплетал рис с яйцами. Не смыкая глаз, они наблюдали за ним из-под одеяла, в надежде, что и им что-то перепадёт. Но Домото съел целых три порции, поэтому ребята были разочарованы. Ел он быстро, словно голодный дух гаки. Ещё не окончил он есть, как в дом вошёл отец семейства. Опережая Домото, мама Митико сама заговорила:

– Домото попал в лапы мошенников. В так называемом кабинете он сидел совершенно один. Кроме того, он сидел там голодный. А вдобавок отдал хозяину почти все деньги.

– Бедный парень....

– Бедный голодный ребёнок! Когда он вернулся домой с впалыми глазами и сказал, что Токио – ужасное место, я сразу же накормила его рисовой кашей.

– Хм-м...

– Кстати, нашёл что-нибудь?

– Я сегодня спрашивал, но пока без толку. И привратник, и посыльный – все у них есть.

Сегодня вечером отец Митико ходил к знакомым и просил помочь ему с работой. В доме своего друга он немного выпил, поэтому был в весёлом расположении духа и нисколько не расстроился, когда услышал про злключения Домото.

– Нельзя расстраиваться и падать духом, Домото! После чёрной полосы бывает белая! Точно тебе говорю! Точно! – утешал отец.

После этих слов Домото стал успокаиваться, но слёзы крупными каплями всё ещё катились из его глаз. В этот момент Митико подумала, что хоть Домото и мужчина, но так часто плачет.

Глава третья

На следующий день Домото и отец Митико стали ходить по домам и собирать старые вещи. Половину месяца они работали вместе. Вскоре Домото овладел всеми навыками. Они уже обсуждали готовность Домото к самостоятельной работе, как отец Митико, до этого безуспешно искавший

новую работу, её нашёл. Это была работа кладовщика на одном заводе. Вся семья была несказанно рада такому известию.

– Домото, ты отлично подойдешь для работы старьевщиком, поэтому я всё тебе оставлю: и телегу, и весы, и корзину. Если будешь стараться, то будет интересно. И не думай, что она плохая – у многих старьевщиков есть умные дети, которые учатся в университетах. Мне удавалось кормить семью из шести человек этой работой. А ты один, поэтому можешь тратить деньги только на себя. А если немного поднажмешь, то сможешь пойти на вечерние курсы. И вообще, не принижай себя насчёт работы. Работа старьевщика перспективная. Я ведь сам сначала собирал старые вещи, а теперь вот нашёл стабильную работу. Так что и ты пока так поработай, а там что-нибудь найдётся. И я буду спрашивать людей о занятии для тебя.

И вот Домото волей-неволей стал старьевщиком. Раньше отец Митико, ходя по улицам и собирая вещи, кричал: «Старые вещи! Старые вещи!» Но потом он научился более удачным методам: нужно было подходить с чёрного хода дома с улыбкой на лице и словами: «Извините за беспокойство!» и предлагать людям цену немного выше, чем предлагают конкуренты; если правильно торговаться, то обязательно появятся постоянные клиенты. Сначала у Домото не получалось как следует улыбаться, и две недели отец Митико приходил к нему на помощь. Потом, когда Домото уже один стоял у чёрного хода, клиенты с участием интересовались:

– Почему ты сегодня без отца?

Некоторые говорили с сочувствием:

– Сколько же тебе лет? Ты такой маленький, а уже работаешь! Ты школу-то закончил?

Людям нравился Домото, и они ждали его снова. Поэтому дела шли у него даже лучше, чем у отца семейства.

– Раньше я думал, что люди, занимающиеся подобной работой, находятся на самом дне общества. Я, конечно, не говорил об этом дяде. Но теперь я вижу, что это не так, – часто повторял Домото.

С переменой мысли на позитивные менялось в лучшую сторону и его выражение лица. А из-за постоянных физических нагрузок он начал быстро расти и осенью уже с трудом натягивал прошлогоднюю зимнюю одежду – так мала ему она стала. Ноги и руки вытянулись и окрепли настолько, что эта одежда скорее походила на летние рубашку и шорты.

– Вот это да! Такими темпами ты скоро дорастёшь до потолка, а ведь недавно был таким маленьким. Поразительно! – каждый день изумлялась мама Митико.

Таким образом всего лишь за год Домото возмужал. Благодаря своему занятию у него наконец-то появились деньги, и он смог оплачивать еду. По

праздникам он давал детям на карманные расходы. А по совету матери Митико даже стал понемногу откладывать деньги. Как-то раз она его спросила:

– Домото, нельзя же довольствоваться такой работой. У тебя есть какие-нибудь планы на будущее?

Он, немного покраснев от подобного вопроса, всё же ответил:

– Тётушка, в следующем году я планирую поступить в училище. Я не оставлю свою работу, пока не окончу его.

После этого Домото начал открыто готовиться к поступлению, и спустя год он поступил на вечерние курсы при университете. Там он изучал право и готовился вскоре стать адвокатом. Поступив в университет, он вынужден был много заниматься, а вскоре и покинуть дом семьи, приютившей его. В доме, где кроме тринадцатилетней Митико жили ещё три мальчугана, царил постоянный шум и гам, поэтому это место совсем не подходило для учёбы. Когда речь зашла о переезде, дети очень расстроились. Целых два года они жили под одной крышей и считали его своим старшим братом. «Так почему же он должен уехать?» – думали они, но в споры не вступали. В силу возраста им ещё было тяжело выражать свои мысли, поэтому они переживали молча.

Их мама, не зная об этом и изо всех сил искала жильё для Домото. Годилась любая комнатёнка – на шесть или даже на четыре квадратных метра. Годился даже чердак, лишь бы было окно – источник света. Мама Митико искала через знакомых дешёвый дом без залога. Наконец, была найдена комната в четыре квадратных метра с выходом прямо на улицу. Когда всё уже было решено, детей всё-таки прорвало. Первым возмутился Кадзуо:

– Я не хочу, чтобы Домото уезжал!

– Я тоже, – отозвался Цугио.

Митико молчала, но в глубине души была солидарна с братьями. Но она не могла сказать: «Я не хочу», как говорили они.

– Не хочу! Не хочу! – почти плача кричал Кадзуо, словно какой-то капризный ребёнок.

Митико же тыльной стороной руки незаметно вытирала слёзы, которые наворачивались на глаза.

– Домото, мы не хотим, чтобы ты уезжал, слышишь? Мы все! – уговаривал Цугио, крепко ухватившись за спину Домото.

– Вы всегда сильно шумите, поэтому Домото и уезжает, отпустите же его наконец, – сказала их мать.

– Нет! Нет! Нет! Это всё из-за мамы!

Когда шум поутих, она сказала, что Домото переезжает для того, чтобы заниматься, но телегу он оставит здесь и к тому же будет каждый день приходить к ним ужинать, поэтому вскоре дети успокоились. А потом вообще

стали радоваться так, будто у них теперь появился новый родственник, и Кадзуо с Цугио уже начали упрашивать его позвать их в гости.

И вот – настал день переезда.

Глава четвёртая

Пора выходить. И футон, и книжные полки, и два ящика от яблок с разными мелочами, и маленький столик – всё было погружено на повозку. Груз небольшой и можно было бы тащить в одиночку, но вся проблема в том, что дорога шла в гору, поэтому Кадзуо и его брат помогали Домото толкать повозку. А тут ещё и малыш собирался на неё залезть.

– Такэ, будь хорошим мальчиком, пойдём пешком вместе с нами, – упрашивал его Кадзуо.

– Не-а, – отказался малыш, который всегда был таким.

– Такэ, здесь же совсем недалеко. Дорога очень ухабистая, поэтому телега будет постоянно трястись, и ты легко с неё свалишься. Упадёшь, ударишься, пойдёт кровь и будет больно-больно. Даже когда мне предлагают сесть на телегу, я не сажусь на неё, потому что боюсь упасть. Когда идёт кровь – это страшно, больно и неприятно, – с серьёзным лицом стращала его Митико.

Такэ кое-как согласился на увещевания своей сестры, но сказал, что возьмёт с собой Тиби. Когда тот был ещё щенком, он каким-то образом попал к Домото, и тот его вырастил, но в семье Митико пёс больше всего привязался к малышу Такэ, потому что тот, в отличие от других детей, всегда был дома.

– Мне совершенно не нравится эта идея. Только лишние заботы. Придётся за обоими приглядывать. Пусть Митико тоже с нами пойдёт. Она и присмотрит за ними. Ведь так, мама?

– Да, пусть идет. У Домото сегодня очень ответственный день, поэтому помогите ему, – отозвалась их мать.

Таким образом Митико, которая вроде не собиралась идти вместе со всеми, всё же пошла.

Пять человек и собака выдвинулись в путь.

В тот момент никто не думал, что по дороге из-за Тиби может что-то случиться. Втайне, Митико сама хотела пойти, но виду не показывала. Накануне она уже ходила вдвоём с Домото осматривать его новую комнату, которая находилась в пятнадцати минутах ходьбы. Комната была не то, чтобы очень комфортной: снаружи – оживленная улица, а по вечерам – солнце прямо в окно, но по сравнению с бараком, где жила семья Митико, это место выглядело очень прилично: там были нормальные крепкие стены, а на окнах

были ставни с решётками. Пол был земляной, а дверь выходила прямо на улицу.

Но Митико эта комната казалась очень просторной. Ей думалось, что если постелить татами, то будет очень уютно. Раз Домото один живёт в таком месте, то он уже перестал быть ребёнком – теперь он самостоятельный человек. Митико больше всех радовалась тому, что она посетит его новое жильё во второй раз. Она шла, в левой руке держа руку малыша Такэ, а в правой – поводок Тиби. Самая трудная часть пути была в середине. Ребятам предстояло сначала подняться, а уже только потом спуститься в район, больше похожий на дно лощины, где и находился новый дом Домото.

– Раз, два, взяли!

– Раз, два, взяли!

– Дружно!

– Взяти!

– Дружно!

– Взяти! – выкрикивали поочередно Домото, Кадзуо и его брат, пока тащили повозку вверх.

По обе стороны склона стояли в ряд большие дома. В них жили люди, избежавшие бомбардировки. По сравнению с бараками, дома в этом районе выглядели роскошно. Это была словно другая страна. Перед домами у заборов росли душистые кусты.

Вдруг огромная чёрная собака, сидевшая у каменных ворот, свирепо зарычала и залаяла. Напуганный Тиби мигом обогнул телегу и побежал в другую сторону. Поводок просто вылетел у Митико из рук, пока та была в замешательстве. Собака догнала Тиби, схватила его пастью и с рыком стала трясти из стороны в сторону. Бедный пес завизжал. Одновременно с ним закричали и дети.

Возможно, этот крик и отпугнул чёрную собаку, она бросила добычу, отбежала назад к воротам и рычала уже оттуда. Тиби лежал всего в двух метрах от телеги и жалобно скулил. Митико и её братья посмотрели на Домото, который находился впереди повозки. Он был ближе всех к бедному Тиби, и дети думали, что он поможет Тиби. Но он не мог отойти от повозки – ведь они были на склоне, а сзади повозки были Кадзуо и Цугио. Стоило ему отпустить – она покатила бы на них. Братьям следовало бы отбежать в сторону, но они застыли в шоке. Домото обернулся и немного развернул телегу вбок, чтобы она всё-таки не скатилась вниз по склону. Но отпустить её боялся. Удерживая рукоятки, он громко крикнул в сторону той чёрной собаки:

– Уберите собаку!

Однако старуха седьмого десятка, стоявшая у ворот и державшая на руках ребёнка, так и осталась на месте, многозначительно ухмыляясь.

– Пожалуйста, успокойте собаку, – обратился Домото к старухе уже более спокойным тоном.

– Как же нам её успокоить? – ответила те, все ещё улыбаясь.

После этих слов лицо Домото покраснело, и он вскричал:

– Будьте прокляты! Я пожалею на вашу собаку, чтобы её усыпили! Она у вас бешеная!

Из-за шума на втором этаже дома открылось окно, и там показался мужчина лет сорока, который, по-видимому, был сыном этой женщины. Опёршись на подоконник, он злобно посмотрел на Домото:

– Идиот! Только попробуй её тронуть!

Тем временем Кадзуо, обняв Тиби, присел у забора с другой стороны дороги. Стали собираться люди. Сначала пять, десять, потом пятнадцать человек. Наконец Домото остановил телегу, бросил рукоятки и с покрасневшим от гнева лицом подошёл к старухе. Мужчина, который ещё недавно был на втором этаже, вышел на улицу и стал подле своего питомца. Чёрная собака опустилась на передние лапы и приняла такой вид, будто вот-вот на кого-нибудь набросится, если хозяин ей прикажет. Похоже, что её врагом теперь был не бедный Тиби, а Домото, за которым она пристально наблюдала.

– Ты сказал, что усыпишь мою собаку?! Так иди и попробуй! Ну давай! – сказал тот мужчина, повернувшись к Домото.

Домото ничего не ответил. Между тем старуха сказала:

– Даже если ты попробуешь тронуть нашего пса, то всё равно этого сделать не сможешь, потому что сейчас идёт неделя защиты животных. Если ты что-нибудь ей сделаешь, то проблемы будут у тебя, а не у нас.

Домото стал ещё больше краснеть и трястись. Он пытался в голове подобрать слова, чтобы достойно ответить: «Что вы говорите?! Неделя защиты животных?! Вы думаете только о своей собаке, а на других вам наплевать. Вы должны любить всех собак» – перебирал он фразы, но сказать ничего не смог. Тем временем о перепалке уже сообщили куда надо, и вскоре появился полицейский. Его глазам предстали с одной стороны группа обеспеченных местных жителей, а с другой – старьёвщик, одетый в грязную одежду рабочего, и с ним кучка плохо одетых детишек. Первым делом полицейский обратился к хозяину того дома:

– Что случилось?

– Неслыханные вещи! Сижу я наверху, читаю. Слышу – какой-то шум. Выхожу узнать, что случилось, и вижу: моя собака защищается, а какой-то мальчишка грозит её убить!

Домото ещё больше рассердился, когда услышал это.

– Это неправда! Это неправда! Его собака...

Полицейский оборвал Домото:

– Отойдите немного, – затем обратился к хозяину дома, – что было дальше?

– А что дальше? Этого мало? Он хочет убить мою собаку! Я ему сказал, пусть только попробует её пальцем тронуть!

Вслед за этим в разговор влезла его мать, которую ещё не спрашивал полицейский:

– А я сказала ему, что сейчас проходит неделя защиты животных, и нельзя даже котят выбрасывать. А этот молодой человек сказал, что убьёт нашу собаку, а она – не бездомная.

– Понятно. Кроме этого он ничего не сказал?

Ситуация стала выглядеть так, будто Домото был хулиганом и терроризировал хозяев дома. У Митико и её братьев сердце замерло от волнения. Когда полицейский приблизился к Домото, то Митико и Кадзуо отошли от телеги, подошли к нему и окружили его, но Цугио и малыш Такэ остались на прежнем месте. Домото успокоился, и лицо его приняло прежний вид, только лишь глаза немного сверкали. Полицейский осмотрел Домото с ног до головы и затем достал записную книжку.

– Ваш адрес?

– Район А, улица Б, дом № Х господина Киносита. Сейчас я переезжаю.

Полицейский мельком взглянул на груз, находившийся на повозке.

– А ведь и правда переезд, – сказал тот и продолжал, – ваше имя и фамилия, возраст.

– Каку Домото. Двадцать полных лет.

– Где работаете?

Домото промолчал с пару секунд.

– Работаете где? – переспросил полицейский громче и настойчивей.

– Я старьёвщик.

– Старьёвщик?!

В голосе полицейского вместе с изумлением почувствовалась нотка презрения. Митико непроизвольно уставилась на него. Тем временем Кадзуо направился к полицейскому, сделал неуверенно два-три шага и произнёс, а точнее пробормотал себе под нос:

– Разве старьёвщики плохие люди?

Затем он вернулся к Домото. Домото рассказал всё по порядку.

Не сводя с него глаз, полицейский сказал:

– Я вижу, вы не собираетесь извиняться.

– А я не сделал ничего плохого. Пусть эти люди извиняются, – ответил Домото.

Кадзуо снова сделал два-три шага и крикнул:

– Эти люди во всем виноваты! Правда! Они плохие!

Затем он обернулся на Цугио. Тибби находился у него на руках и жалобно смотрел на людей. Чёрная собака оставила ему на шее две раны. Но если ребята покажут это полицейскому, то выяснится, что собаку нельзя было приводить с собой, так как у неё не было регистрации.

– Извинитесь, и давайте разрешим этот спор мирным путем, – предложил наконец полицейский.

– Нет. Это они должны извиняться. Так и скажите им. Если бы эта женщина сразу успокоила свою собаку, то ничего бы не случилось.

Когда Кадзуо услышал это, он вновь отошёл от Домото и, выйдя немного вперед, пробубнил:

– Но ведь наша правда. Эти люди думают, что раз старьёвщик, то можно всё что хочешь делать с человеком? Это нечестно...

Полицейский слегка улыбнулся, потом его лицо приняло озабоченный вид, и он направился к хозяевам чёрной собаки.

– У другой стороны, кстати, к вам претензии. Они сказали, что это ваша собака покусала их собаку, и теперь они требуют от вас извинений.

– А вы спросите у этого старьёвщика, на самом ли деле это его пёс?! – почти выкрикнула старуха. Потом, немного подумав, она решила закончить спор, который не стоил и ломаного гроша. Она сменила тон:

– Но я же не знала, что это их собака! Я думала, что бродячая, и прибежала сюда драться. Прошу извинить нас за нашего питомца. Сколько мы должны на лекарства?

Домото ничего на это не ответил. Он пролез под рукояткой повозки, немного нагнувшись вперёд и начал тащить телегу.

– Кадзуо, Митико, идём, – сказал тот намеренно спокойным тоном.

Когда Митико услышала это, то ей вдруг вспомнилось, как полицейский спросил Домото про профессию, а тот ничего не ответил.

«А ведь хорошо одновременно быть и старьёвщиком, и студентом», – подумалось ей, и она поспешила за Домото. Улыбнувшись, она сказала:

– Домото, в следующий раз скажи, что ты студент. Так будет лучше.

Домото на короткий миг повернул голову в сторону Митико, но тут же вернулся в прежнее положение и сказал:

– Я думал, так сказать. Но студент – это не профессия. Свою настоящую профессию я назвал. Собирать старые вещи – вовсе не постыдная работа. Ведь так? Старьёвщики намного лучше, нежели эти богачи, которые кроме своих собак ни о ком не думают.

Домото говорил это с паузами и тяжело дыша. Кадзуо и Цугио занимались Тибби и больше не помогали толкать повозку. Митико остановилась. Она хотела ещё что-то сказать, но передумала. Она обошла телегу и встала на место своих братьев. Дорога по склону всё тянулась вверх перед ними.

- Раз-два... – зазвенел голос Митико.
- Взяли! – откликнулся Домото.

(1951 г.)

С. Цубои. Двенадцать пар глаз, изд. Королград, Минск, 2022, с. 71 - 79.
壺井栄ロシア語訳作品集「二十四の瞳」(2022年度発行)から転載。
当サイトからの転載、複製、改変等は禁止します。

Все права защищены. © Ala Lazerka